

Кухня — это часть культуры.

Вячеслав Ланкин

Бренд психолога

Способы создания мифа

Польза закрытого рта и розовый ноутбук

Самым тиражируемым художником сегодня считается Винсент Ван Гог, который за всю свою жизнь продал одну или две картины. Однажды от безденежья он расплатился с психиатром его портретом, которым семья доктора прикрыла дыру в курятнике. Это история «Портрета доктора Рея» — одного из самых дорогих шедевров Пушкинского музея. Разница между неуспехом и триумфом очень часто заключается в подаче, презентации, сертификате, вывеске, мифе — в длинном ряде бонусов и гарантий, который описывается словом «бренд» [23]. Понятное дело, что клиент мишленовского ресторана прилетает туда за четыре тысячи километров не только для того, чтобы хорошо пообедать, — вместе с яйцом пашот он покупает уверенность в собственной успешности и надежду на лучшее качество жизни.

По сути дела, бренд ресторана, так же как бренд врача, — это кредит доверия, который обеспечи-

вает готовность клиента включаться в процесс, проходить кризисы, воспринимать, вкладываться, меняться.

Есть классическая техника работы с избыточным весом.

Перед кабинетом профессора — очередь из двадцати человек.

Девушка с детским лицом, вливая в дверь, скромно опускается на стул, точнее на стульях, — она занимает полтора. Вслушивается в разговоры очереди о новом эффективном методе. Периодически дверь кабинета открывается — люди вылетают оттуда красные и молча уходят второпях. Секретарь говорит:

— Пожалуйста, не хлопайте дверь. Иннокентий Павлович устает от шума.

Наконец девушка заходит в кабинет. На цыпочках.

Врач в очках, с бородой и со стетоскопом на шее что-то пишет в толстой тетради. Она кашляет — он продолжает писать.

Бесконечную минуту она переминается у двери, потом робко произносит:

— Здравствуйте...

Никакой реакции.

Она продолжает стоять — он писать.

Пауза затягивается до бесконечности. Сестрь ей никто не предлагает. Ноги затекают. Она начинает потеть.

Потом профессор поднимает глаза на пациентку, щурится, жмурится, но молчит. Даже сестрь ей не предлагает.

Девушка пытается сбивчиво объяснить:

— Здравствуйте, от Петра Петровича... Я узнала про эффективную методику...

— Рот захлопни — вот и вся методика! Через месяц придешь с весами. Все, иди! И дверь закрывай аккуратненько, когда выходить будешь [24], — он так резко перебивает, что ее рот действительно закрывается по его команде.

Она молча поворачивается и уходит.

Затем доктор примирительно шепчет себе под нос:

— Я устаю от шума.

Через месяц она приходит с весами. Но проблема, по сути дела, была решена уже на первой встрече, — с тех пор ее вес уже начал эффективно снижаться.

Эта история выглядит гротеском, но поверьте, я не сильно сгустил краски. После аналогичных приемов многие полные женщины сбрасывают двенадцать килограммов за неделю.

У великого Милтона Эриксона есть очень похожий кейс [25]. Однажды к нему на прием привели четырнадцатилетнюю девочку с дисморфофобическим расстройством [26] — она считала, что у нее слишком большие ступни. Когда они с мамой вошли в кабинет. Эриксон-инвалид [27] неловко бродил по комнате, будто бы ища какие-то бумаги и подчеркнуто не обращая внимания на вошедших. Затем как бы невзначай наступил своей огромной ступней девочке на ногу и сказал: «Вот гусыня, разложила здесь свои ласты!» Мать в ужасе вытащила девочку из-под ноги профессора и вместе с ней выбежала из кабинета. С этого момента дисморфофобия у девочки исчезла.

Думаю, две рассмотренные здесь ситуации во многом сходны. Обе определенно относятся к терапии «мгновенной». В обеих ситуациях облик терапевта, точнее, миф о великом профессоре присутствует в сознании клиента еще задолго до встречи. Человек проходит длинную, многолетнюю порой, дорогу к кабинету, у дверей которого достигает еще более высокого уровня идеализации сидящего в нем «светила». В очереди он слышит, что профессор «великий», «ужасный», «гениальный», не переносит шума, не писает и не какает. Сами эпитеты не важны, важно, что разговор о нем идет с придыханием, развивая стремительный преко́такт.

Когда человек заходит в кабинет, поведение врача срывает шаблон, вызывает напряжение и смятение. Происходит типичный процесс создания контекста замешательства. Он ведет к нарастанию напряжения и обостряет худшие ожидания пришедшего. Врач ведет себя настолько уверенно, самодостаточно и независимо, что у пациента автоматически возникает убеждение, что скажи он: «Земля, развернись!» — она развернется. Но вместо страшных слов: «Развернись, земля!» — профессор предлагает вам просто захлопнуть рот! Пациентка чувствует, что отделалась легким испугом. Даже более того, вместо вселенской катастрофы происходит исполнение желания. По сути дела, она к этому и готовилась всю долгую дорогу. В кабинете ее намерение просто легитимировали. Профессор предложил девушке сделать то, к чему она стремилась, для чего она долго сюда шла, копила деньги и сидела перед кабинетом. Ее бессознательное намерение, амбивалентное и невнятное до прихода в кабинет Иннокентия Павловича, после выхода оттуда оказывается почти в мире с «я», почти готово интегрироваться в ее сознание.

В кейсе Эриксона ситуация более сложная, но очень похожая. У той девочки размер ноги — это больное место, заряженное, сверхчувствительное. Когда обращение профессора к ней выдается

в такой пренебрежительной, неуважительной, обесценивающей форме, оно попадает в самое травматическое ядро. Ее «я»-концепция резко меняется в стиле: «Это я плохая? Сам такой. Я хорошая», — ребенок, подросток моментально вырашивает, имплицитно в этом месте мощную защиту. Раньше здесь была инструкция: «Если что-то не так, значит, я не такая», а сейчас у девочки появляется возможность выбора реакции. Например, окружающие могут быть не правы или незаслуженно грубы. Даже если это — профессор. А она сама вполне может быть ОК. Возникает некий универсальный контекст, формирующий множественные контексты, куда вложена идея сепарации, снижения чужого авторитета, рост самоуважения. Новая концепция автоматически генерализируется на весь спектр ее личностных и социальных проявлений. Таким образом, Эриксон создает недирективный мета-контекст, в котором клиент сам находит для себя наиболее эффективную личностно зрелую, здоровую реакцию. Мгновенная смена концепции дает возможность взять реакцию, обеспечивающую его хорошее социальное функционирование в будущем, по принципу: «Кто так обзывается, тот сам так называется, а я — хороший!» Вообще, этот кейс гениальный — на грани фолла. От красоты работы Эриксона и его смелости захватывает дух. Современная психотерапия очень нервно относится к такому.